https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-388-403
https://elibrary.ru/DTPLNV
УДК 82.0
Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

АНТИНОМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА «ВЕНКА СОНЕТОВ» В.И. ИВАНОВА И «CORONA ASTRALIS» М.А. ВОЛОШИНА (1909): ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

© 2026 г. А.А. Земцовская

Исследование выполнено в Московском педагогическом государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00128, URL: https://rscf.ru/project/26-18-00128/

Аннотация: В статье представлены результаты исследования антиномической поэтики «Венка сонетов» Вяч.И. Иванова и «Corona Astralis» М.А. Волошина 1909 г. Целью исследования является определение и сопоставление ключевых антиномических конструкций в сонетных венках с применением методики лингвистического анализа текста Л.А. Гоготишвили. Научная новизна работы заключается в интерпретации результатов сопоставительного анализа ключевых смысловых антиномий «космических» венков, демонстрирующей общность языковой стратегии поэтов-символистов (обращения к неименной референции). Исследование подтверждает высокую результативность применения метода антиномического анализа текстов такой сложной жанрово-строфической формы, как венок сонетов, а также расширяет сферу применения данной исследовательской стратегии. В анализируемых венках раскрываются ключевые смысловые антиномии: земли и неба (безжалостного и милостивого, пронизанного любовью отношения к людям «неба»), смерти и воскресения, божественной и демонической природы любви мужчины и женщины, любви и смерти, тьмы и света (земной жизни и «жизни» души после смерти), двойственности и единичности — у В.И. Иванова, любви и неверности, яви и сна, слепоты и «зрячести», тьмы и света, жизни и смерти — у М.А. Волошина. Полученные результаты исследования углубляют понимание специфики символистской поэтики, а также механизма «развертывания» антиномических конструкций в миф и рассмотрения всех мифологем, формирующих семантическую структуру венка. Исследование раскрывает

жанровое и концептуальное родство произведений, демонстрируя единство антиномического мышления и общность творческого метода двух выдающихся поэтов начала XX в.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, М. Волошин, символизм, модернизм, антиномическая поэтика, неименная референция, Л. Гоготишвили, венок сонетов

Информация об авторе: Анна Александровна Земцовская — аспирант, кафедра русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119435 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-0401-6490

E-mail: flyzema2000@mail.ru

Для цитирования: *Земцовская А.А.* Антиномическая поэтика «Венка сонетов» В.И. Иванова и «Corona Astralis» М.А. Волошина (1909): опыт сопоставления // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 388–403. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-388-403

ANTINOMIC POETICS OF V.I. IVANOV'S "WREATH OF SONNETS" AND M.A. VOLOSHIN'S "CORONA ASTRALIS" (1909): AN EXPERIMENT IN COMPARISON

© 2026. Anna A. Zemtsovskaya

Acknowledgements: The research was carried out at the Moscow State Pedagogical University with the support of the Russian Science Foundation (project no. 26-18-00128, Available at: https://rscf.ru/project/26-18-00128/).

Abstract: The article presents the results of a study of the antinomic poetics of V.I. Ivanov's "Wreath of Sonnets" and M.A. Voloshin's "Corona Astralis" from 1909. The purpose of the study is to identify and compare the key antinomic structures in the sonnet wreaths using the linguistic text analysis methodology developed by L.A. Gogotishvili. The scientific novelty of the work lies in the interpretation of the results of a comparative analysis of the key semantic antinomies in the "cosmic" wreaths, which demonstrates the commonality of the linguistic strategy employed by the Symbolist poets (the use of non-nominative reference). The study confirms the high effectiveness of using the method of antinomic analysis of texts in such a complex genre-strophic form as a wreath of sonnets, and also expands the scope of application of this research strategy. The analyzed wreaths reveal key semantic

antinomies: the earth and the sky (the merciless and compassionate attitude of the sky towards people), death and resurrection, the divine and demonic nature of love between a man and a woman, love and death, darkness and light (earthly life and the "life" of the soul after death), duality and uniqueness in V.I. Ivanov, love and infidelity, reality and dreams, blindness and "sight", darkness and light, life and death in M.A. Voloshin. The research findings deepen our understanding of the specifics of Symbolist poetics, as well as the mechanism of "unfolding" antinomic structures into a myth and examining all the mythologems that form the semantic structure of the wreath. The study reveals not only the genre but also the conceptual kinship of the works, demonstrating the unity of antinomic thinking and the commonality of the creative methods of two prominent early 20th-century poets.

Keywords: Vyach. Ivanov, M. Voloshin, symbolism, modernism, antinomic poetics, L. Gogotishvili, non-personal reference, wreath of sonnets

Information about the author: Anna A. Zemtsovskaya, PhD student, Department of Russian Classical Literature, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya St., 1, bld. 1, 119435 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-0401-6490

E-mail: flyzema2000@mail.ru

For citation: Zemtsovskaya, A.A. "Antinomic Poetics of V.I. Ivanov's 'Wreath of Sonnets' and M.A. Voloshin's 'Corona Astralis' (1909): An Experiment in Comparison." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gumanitarnaia mysl'* [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 388–403. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-388-403

В исследованиях, посвященных истории сонета, установлено, что второй (после Италии) родиной этой уникальной жанрово-строфической формы явилась Словения, где в 1832 г. Франце Ксаверий Прешерн (1800–1849) своим «Сонетным венцом» «положил начало славянской традиции», а «первым русским венком сонетов считается его перевод, выполненный известным теоретиком стиха академиком Федором Коршем» [6, с. 633]. Самый ранний дошедший до нас оригинальный венок сонетов на русском языке был написан Всеволодом Евграфовичем Чешихиным и посвящен смерти Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина [6, с. 635]. В дальнейшем русский сонетный венок развивался одновременно в традиции элегических венков-эпитафий, «надгробных» венков, и в то же время совершенно по-новому раскрывался в творчестве Вяч. Иванова и М. Волошина,

которые «вдохнули в него практически одновременно новую жизнь» [6, с. 637]. Отходя от строгой традиции мемориальных венков, в 1909 г. Вяч. Иванов и М. Волошин создают высочайшие образцы любовной лирики в сочетании с космическими откровениями — «Венок сонетов» (Вяч. Иванов) и «Corona Astralis», или «Звездный венок» (М. Волошин), затем в 1913 г. М.А. Волошин завершает работу над вторым венком сонетов «Lunaria», который, по мысли А.Б. Шишкина, был «формально и тематически связан с “Звездной короной” 1909 г., на что прямо указывала двенадцатая строка восьмого сонета, где о луне говорилось как о планете, “сорванной с алмазного венка”» [7, с. 199].

Лингвистический анализ антиномических конструкций по методике Л.А. Гоготишвили [2] и выявление смысловых, идейных антиномий, представляющих наибольшую значимость для интерпретации таких сложных жанрово-строфических образований, как венок сонетов, позволяют установить глубинную связь между образцами «космических» сонетных венков Вяч. Иванова и М.А. Волошина.

Об антиномичности поэтики самых влиятельных поэтов Серебряного века писал М.Л. Гаспаров в статье «Антиномичность поэтики русского модернизма»: «...два источника — “парнасская” строгость и символистская зыбкость; в этой зыбкости два направления — пунктирность и расплывчатость; в этой расплывчатости два осмысления символа: литературно-риторическое и религиозно-философское, — таковы основные антиномии, определяющие диалектическую динамичность русской модернистской поэтики» [1, с. 303]. Антиномичность поэтики модернистов, таким образом, трактуется М.Л. Гаспаровым как сложная система сосуществования различных толкований понятия «символ», как комбинация литературных традиций различной природы в творчестве поэтов. Тогда как в концепции Л.А. Гоготишвили антиномичность поэтики Вяч. Иванова-символиста — логически «вытекающая» из творческого метода поэта языковая стратегия, которую можно было бы кратко описать несколькими тезисами, изложенными в монографии «Непрямое говорение»:

а) поэт-символист убежден в «возможности прорыва в трансцендентное, в том числе посредством языка» [2, с. 12], а также в возможности референцирования мира «бестелесного, слышного и незримого» [9, т. 1, с. 591];

б) для достижения указанной цели — «прорыва в трансцендентное» — поэт-символист прибегает к «неименной референции», отказываясь от именования и не стремясь «объективировать» референт (или денотат») [2, с. 11–12], и принципиально не использует в качестве символа имя [2, с. 24];

в) суть языковой стратегии символиста Вяч. Иванова — использование особого дополнительного — антиномического — языкового способа референции;

г) согласно концепции мифа как «синтетического суждения» Вяч. Иванова, символ + глагольный предикат = миф [2, с. 36], что доказывает «родство антиномических конструкций с мифологическими высказываниями» [2, с. 70] (недаром в эссе о романе Ф.М. Достоевского «Бесы» Вяч. Иванов указывает на то, что миф, лежащий в основе «Бесов», «эпичен по форме, но трагичен по внутреннему антиномизму» [9, т. 4, с. 437]). Так, антиномические синтаксические конструкции в текстах Вяч. Иванова, по мысли Л.А. Гоготишвили, потенциально разворачиваются в «синтетические мифологические высказывания» [2, с. 70].

Антиномизм как метод творческого осмысления действительности и сферы «трансцендентного» не чужд был и М.А. Волошину, который, по мнению Л.Н. Столовича, «рассматривал “антиномизм” как основное средство человеческого сознания» [5, с. 556]. В очерках и статьях, опубликованных М.А. Волошиным в 1917–1927 гг., обнаруживается несколько концептуальных наблюдений над антиномиями в различных сферах культуры: например, М.А. Волошин рассуждает об антиномии «пола и Эроса» и «антиномичности нашей природы» вообще [8, т. 6, с. 219–220], об «одной из основных антиномий человеческой души: антиномии гения рода и гения индивидуальности», «вечном противуположении двух систем сознания: интуитивного, (женского) сознания, движущего гений рода, и логического, понимающего — (мужского) сознания» [8, т. 6, с. 256], раскрывает антиномическую сущность многих положений христианской веры:

> «Антиномии невыносимостью своих противоречий заставляют человека стать выше самого себя, призывают к бытию те божественные свойства, о существовании которых он не подозревал в себе. Поэтому все Евангельские истины даны в форме непримиримых противоречий. <…> Если сказано: “взявший меч от меча и погибнет”, то рядом будет: “не мир пришел Я принести, а меч”, и т. д. Все основные моральные требования разделены на два конечных противоречия. Евангелие открывает безграничную личную свободу и заставляет каждого идти своим путем собственным, который никогда не совпадает и не сможет совпасть с путем другого человека. Чтобы удовлетворить обоим противоположным требованиям, человек должен расширить и возвысить свое Я до такой высоты, чтобы вместить обе грани истины. <…> Полный и ясный ответ на вопрос об антиномиях жалости и жестокости, справедливости и отмщения

влагает Достоевский в уста старца Зосимы. Каждый должен расширить свое Я до пределов всего мира, каждый должен взять мир на свою личную ответственность, потому что: “Каждый пред всеми за все и за всех виноват”» [8, т. 6, с. 301–302].

Л.Н. Столович в связи с этим приводит и несколько примеров «антиномичных» стихов М.А. Волошина, указывая на символистическую близость взглядов Волошина и Флоренского [5, с. 558] и связь умозрений Волошина с концепцией антиномичности рассудочной истины Флоренского, истоком которой является учение об антиномиях рассудка и разума Канта.

Согласно исследованию С.М. Пинаева, посвященному философско-эзотерическому контексту венка сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis» и в особенности природе оккультных символов в связи с положениями антропософского учения, «…в венке сонетов “Corona Astralis” (1909 г.), завершающем первую книгу “Стихотворения. 1900–1910”, выражено, как отмечал М. Волошин, его “отношение к миру”, заключающее в себе синтез религии, науки и философии. Это сплав знания и откровения, разума и эзотерических прозрений, уверенности художника в своих духовных возможностях и его преклонения перед тайнами Вселенной и вечности» [4, с. 115], в котором М.А. Волошин «констатирует неизбывный трагизм положения поэта в мире, его вечную земную неустроенность» [4, с. 118]. Исследователь указывает на несколько семантических пластов венка: это «отправная» любовная тема, осмысление макрокосмоса, тема человеческого духа, тема «миссии» поэта. Смысловую доминанту венка С.М. Пинаев определяет «несложной эстетической формулой»: «Голгофа Иисуса Христа приравнивается к Голгофе творчества»; сам звездный венок — «венок Поэту» [4, с. 120], продолжающий горацианскую литературную традицию «Exegi monumentum». При анализе семантической структуры венка, по мысли Пинаева, необходимо учитывать «все возможные точки зрения», поскольку каждый из множества словесных образов венка окружен «ассоциативно-эзотерическим ореолом», среди которых главенствующую роль играют а) антропософское ясновидение; б) контакты со сверхфизической реальностью и астральными мирами; в) ощущение Вселенной внутри себя [4, с. 115].

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить и сопоставить друг с другом антиномические конструкции в венках сонетов Вяч. Иванова (1909) и М.А. Волошина («Corona Astralis» 1909), применив классификацию антиномических конструкций Л.А. Гоготишвили, а также проверить на практике гипотезу о высокой резуль-

тативности «антиномического» метода анализа текста за рамками прицельно исследуемого Л.А. Гоготишвили символизма «ивановского толка».

При анализе «Венка сонетов» Вяч. Иванова, адресатом которого, как известно, была ушедшая из жизни возлюбленная поэта Л.Д. Зиновьева-Аннибал, обнаруживаются следующие значимые смысловые антиномии: антиномия земли и неба (понимаемая как парадокс одновременно безжалостного и милостивого, пронизанного любовью отношения «неба» к людям), антиномия смерти и воскресения, антиномия божественной и демонической природы любви мужчины и женщины, антиномия любви и смерти, антиномия тьмы и света (соотносится с антиномией земной жизни и «жизни» души после смерти), а также главная антиномия, пронизывающая весь венок — антиномия двойственности и единичности[1].

В исследовании Л.А. Гоготишвили, посвященном антиномической поэтике Вяч. Иванова, были выделены следующие антиномические приемы:

а) количественное наращивание разных антиномических сочетаний в одной фразе в качестве ее однородных членов («Чтоб мог я безумьем твоим разуметь, / Любовью дерзать и покорностью сметь!» [9, т. 3, с. 555]);

б) нанизывания двух пар антонимов на один синтаксический стержень («Розы сладость / На горечи Креста» [9, т. 3, с. 32]);

в) всасывание в воронку символического тожественного суждения не одной, а двух пар взаимонанизанных антонимов («И корни — свет ветвей, и ветви — сон корней» [9, т. 1, с. 747]);

г) инверсивные (с синтаксической взаимоперестановкой антонимов) конструкции, которые могут быть как рядоположенными в тексте («…ложь истины твоей змеиной / Иль истину змеиной лжи» [9, т. 3, с. 543]), так и требующими для восприятия их расшатывающего именование эффекта активизации текущей фоновой или межтекстовой памяти, например: «умереть — знай — жизнь благословить…» [9, т. 2, с. 422] и «Жизнь — Смерти гимны» [9, т. 2, с. 409];

д) синтактическое нанизывание, при котором конструкция излучает антиномическое напряжение одновременно из нескольких своих разных синтаксических сочленений: «Ночью света ослепил» [9, т. 3, с. 34] (ночь — свет, ночью ослепил);

---

[1] Подробный анализ антиномических приемов «Венка сонетов», обобщенных в указанный выше перечень центральных смысловых антиномий, представлен в более ранней работе [3].

е) передислокация антиномических словосочетаний, обладающих именующей потенцией, в зону предиката;

ж) антиномическая метафора («Сквозит полнощным Солнцем» [9, т. 2, с. 440]);

з) отождествляющие неметафорические конструкции (например, «жизнь есть смерть»);

и) неметафоричное использование стандартных метафорических образований (например, ты (мертвая) «скорбишь вдовой» [9, т. 2, с. 397] есть не скрытое сравнение, но странная, абсурдная, антианалитическая прямая референция);

к) однокорневые конструкции [2, с. 77–91].

По мысли исследователя, «антиномическая идея» Вяч. Иванова проявляется не только на уровне синтаксиса, но и на уровне лексики («внутреннего семантического строения имен»), а также на уровне отношений между грамматическими категориями (времени, залога), именно поэтому по отношению к антиномизму поэтики Вяч. Иванова Л.А. Гоготишвили применяет эпитет «всеохватный» [2, с. 90]. Однако подтверждается ли родство «космических» сонетных венков Вяч. Иванова и М. Волошина с точки зрения «всеохватного антиномизма» мышления обоих поэтов?

Рассмотрим антиномические конструкции в составе первого «звездного» сонетного венка М.А. Волошина [8, т. 1, с. 119–126]. В первом стихе сонета-магистрала обнаруживается формула, излучающая «антиномическое напряжение» и раскрывающая семантическую антиномию любви и неверности: «В мирах *любви* — *неверные* кометы…», точнее, антиномию любви и «неправильности», или, по-пушкински, «беззаконности» комет» [10, с. 68]. Далее в сонете-магистрале обнаруживаются антиномия яви и сна («*Явь* наших *снов*»), которая потенциально может быть развернута в антиномические неметафорические тождества ивановского толка: «явь есть сон», «сон есть явь»; антиномия слепоты и истинной «зрячести» («Тому, кто *зряч*, но светом дня *ослеп*»); антиномия жизни и смерти («Тому, кто жив и брошен в темный склеп»). Из выделенных Л.А. Гоготишвили синтаксических приемов в первой строфе магистрала представлено своеобразное «синтактическое нанизывание», в котором каждая из частей сложного предложения одновременно «излучает антиномическое напряжение»: «*Явь* наших *снов* земля не истребит, — / *Полночных солнц* к себе нас манят светы» (ср. с ивановским стихом с идентичной антиномической метафорой из триптиха «Снега» в составе четвертой книги сборника «Cor Ardens»: «Сквозит полнощным Солнцем облик милой» [9, т. 2, с. 440]), передислокация антиномических

словосочетаний в зону предиката («Тому, кто *жив* и *брошен в темный склеп*»), а также количественное наращивание разных антиномических сочетаний в сонетном замке: «Тому в любви не радость встреч дана, / А *темные восторги расставанья*!» — семантическую противоречивость стиха подчеркивает оксюморонное сочетание «восторги расставанья» и одновременно алогичное использование эпитета «темные восторги».

Стоит подчеркнуть, что выделенные в магистральном сонете [8, т. 1, с. 119] ключевые смысловые антиномии венка не следует смешивать с противопоставленными друг другу космическими образами «неверных комет» и «проверенных орбит», поскольку антиномия представляет собой неразрешимое противоречие, принципиально логически необъяснимое, содержащее загадку, тайну, парадокс, предполагающее мистический и интуитивный механизм постижения, порожденное, как может показаться, безумием («Безумьем снов скитальный дух повит»); тогда как антитеза апеллирует к логике и на основании постигаемых разумом суждений позволяет развести в сознании некоторые явления. Так, лирические субъекты («он» и «она») ассоциируют себя с «неверными кометами», поскольку в их истории нет места любви, протекающей по «проверенному» сценарию, напоминающему путь планеты по орбите, — с «радостью встреч» и четко намеченным «путем». В магистральном сонете обнаруживается целая группа ключевых слов и словосочетаний, характеризующих любовь «неверных комет», противопоставленной подразумеваемой «любви планет». О «неверных кометах»: «неверные», живущие во снах («Явь наших снов»), устремлены к «манящим светам… полночных солнц», «…не крещен в глубоких водах Леты / Наш горький дух, и память нас томит», испытывают «боль обид», изгнанники, скитальцы, поэты; зрячи, по ослепли; живы и мертвы; чувствуют «темные восторги расставанья». О «любви планет»: движутся по «проверенным орбитам», крещены «в глубоких водах Леты» (их не «томит» горькая память)», им дана «радость встреч».

Отметим, что выделенные выше смысловые антиномии разворачиваются в миф, согласуясь с ивановской формулой мифа как «синтетического суждения»: в первом сонете венка [8, т. 1, с. 119–120] М.А. Волошин сравнивает лирическое «мы» — пару влюбленных «неверных комет» — с героем древнегреческой мифологии: «Мы *правим путь свой к солнцу*, как Икар, <…> Но, странные, — его коснувшись, прочь / Стремим свой бег: *от солнца снова в ночь*…», подчеркивая слепую мятежность, вечную внутреннюю противоречивость влюбленных, упорство и увлеченность, подобные тем, которые продемон-

стрировал поднявшийся слишком близко к солнцу легендарный сын Дедала. Миф о полете Икара соотносится с космическим полетом «неверных комет»: «Слепой мятеж наш дерзкий дух стремит / В багровой тьме закатов незакатных… / Закрыт нам путь проверенных орбит!» [8, т. 1, с. 120]. В последнем трехстишии данного волошинского сонета необходимо подчеркнуть и характерный для поэтики Вяч. Иванова прием — антиномическую однокорневую конструкцию «*закатов незакатных*». Полет «неверных комет» отражается не только в мифе об Икаре в первом сонете венка, но и, например, в мифе о Троянской войне, упоминаемом во втором сонете («Мы беглецы, и сзади наша Троя, / И зарево наш парус багрянит» — аллюзия к истории Энея и энеатов, спасшихся из разрушенной Трои [8, т. 1, с. 475]). В третьем и четвертом стихе второго сонета («Земным богам земные храмы строя, / Нас жрец земли земле не причастит») обнаруживается и аллюзия к евангельскому тексту: «Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; Вы от мира сего, Я не от сего мира (Ин. 8: 23). С.М. Пинаев комментирует: «…не суждено поэту, в отличие от “земных богов”, то есть царей, кумиров, иначе говоря — сильных мира сего, причаститься земле, обрести покой в земном бытии» [4, с. 119].

В третьем сонете в составе венка [8, т. 1, с. 121] конструкция «Нам ведом *день* немеркнущих *ночей*», содержащая антиномическую метафору «*день ночей*», поддается интерпретации также исключительно при условии последовательного развертывания метафоры в миф — на этот раз христианского происхождения — миф о Преображении Господнем на горе Фавор, явлении Иисусом Христом своей божественной природы через Фаворский свет (Мф. 17: 1–12). Ночью на горе облик Иисуса изменился, его лицо просияло, как солнце, одежды стали белыми, как снег. Так, «немеркнущие ночи» есть не что иное, как парафрастическое антиномическое описание евангельского эпизода Преображения Господня, «день немеркнущих ночей», «полночные солнца» — парадоксальный свет во тьме, та «явь снов», вера двух влюбленных, которая оказывается сильнее и ярче «блеска близких солнц». Стремление к свету господнему объясняет движение Икара от солнца к тьме (поскольку Фаворское преображение мыслится как ночное явление Господом своей божественной природы), объясняет движение влюбленных от «золота лучей» земного солнца, от «полдневных экстазов земных пустынь» — к «полночным солнцам» христианской веры.

В пятом сонете [8, т. 1, с. 122] М.А. Волошин вновь обращается к античным мифологемам, описывая картину подземного царства — глубокие воды реки забвения Леты, «Орковы ключи» (источни-

ки мертвой воды), «осенний рой теней Персефонеи» — обитателей царства мертвых. Описание Аида дано «от противного», поскольку «звездному духу» влюбленных чуждо «забвение ночей» (в сонете четырежды используется отрицательная частица «не»: «не крещен», «не испил», «не принес», «не замкнут круг»), иными словами, «влюбленные кометы» живы. Представляется невозможным дать однозначный ответ на вопрос, к какому миру принадлежат антиномические конструкции «*слепые* бродят *светы*» и «*мерцает тьма* болот» — миру живых или миру мертвых, однако очевидно, что они также становятся инструментом для постижения «трансцендентного» в творческом сознании поэта-символиста.

В контексте размышлений об эпитетах, характеризующих в пространстве венка сонетов «дух» влюбленных, перечислим последовательно появляющиеся в «теле» венка атрибуты данного имени: «горький» (4), «дерзкий» (1), «скитальный» (1), «древний» (1), «темный» (1), звездный (1), «певучий» (1). Антропософскую природу «древности» духа влюбленных поясняет С.М. Пинаев:

> «Согласно антропософским воззрениям, Земля, прежде чем дойти до своей нынешней стадии, проходила через три фазы телесного становления, перемежаемые состоянием чистой духовности. Первое планетарное воплощение Земли обозначалось как Сатурн (Сатурническая стадия), второе — Солнце, третье — Луна. Все эти изменения фиксирует человеческий дух, более древний, чем звезды» [4, с. 116].

В шестом сонете [8, т. 1, с. 122] раскрывается идея о том, что «горький дух» влюбленных «неверных комет» прорастает из тьмы, при этом тьма соотносится с целой лексико-семантической группой, обладающей общим значением смерти: «*навий яд*» (трупный яд), «*могильные* отравы», «*время спит*, как в недрах *пирамид*», «*гробницы* Солнц», «миров *погибших* Урна», «*труп* Луны», «*мертвый* лик Сатурна», «в *крушеньях* звезд». Тема смерти развивается в мотив боли, печали, скорби, тоски — в первой строфе седьмого сонета представлен весь обозначенный синонимический ряд. В нескольких следующих друг за другом сонетах венка прослеживается мысль о связи смерти с забвением и безмятежностью (главным образом, посредством упоминания «крещения в водах Леты» — словосочетания, причудливо скрещивающего христианский и античный миф) и о связи жизни с болью, печалью, скорбью, тоской. В свете обозначенного противопоставления жизни как вечного страдания и смерти как избавления от страдания становятся более «прозрачными» пронизанные антиномическими метафо-

рами стихи: «И никогда ни *счастье* этой *боли*, / Ни гордость уз, ни *радости неволи*, / Ни наш *экстаз* безвыходной *тюрьмы* / Не отдадим за все забвенья Леты!», — иными словами, жизнь, даже полную страданий, «неверные кометы» всегда предпочтут смерти.

В восьмом сонете венка [8, т. 1, с. 123] звучит тема поэта-искупителя человеческих грехов, пороков, заблуждений, реализуя образный параллелизм лирического «я» и новозаветного «Сына человеческого»: «Изгнанники, скитальцы и поэты, — / Кто жаждал быть, но стать ничем не смог… / У птиц — гнездо, у зверя — темный лог, / А посох — нам и нищенства заветы». С.М. Пинаев указывает на отсылку к тексту Нового Завета: «Лисицы имеют норы и птицы гнезда, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову» (Мф. 8: 20). Обнаруживая множественные соотнесения Христа и лирического «я» поэта, исследователь полагает, что «волошинская констатация их общей участи и предназначения» позволяет интерпретировать венок сонетов как «иероглиф», или «эмблематику» тернового венца, уподобление астральной короны звездам-терниям, отражающее штайнеровскую идею о «присутствии Христа в человеке» [4, с. 119]. Антиномия слепоты и «зрячести» разворачивается здесь, с одной стороны, в гомеровский миф (влюбленные скитаются и нищенствуют, подобно «бродячему рапсоду, / Тому, кто зряч, но светом дня ослеп»), с другой — в девятом сонете — в миф о Фебе-Аполлоне, покровителе искусств и поэтов, который «дает слепцам глубинные прозренья». Слепцы, которых делает «зрячими» Феб, — это не только искусственно созданные воображением поэта «неверные кометы», это и реальные прототипы влюбленных комет — поэты М.А. Волошин и его возлюбленная Черубина де Габриак — адресат сонетного венка, Елизавета Ивановна Дмитриева.

Более неоднозначной представляется интерпретация антиномической конструкции «Тому, кто жив и брошен в темный склеп», использованная в финальном стихе девятого сонета. Катрены, предваряющие данные антиномические предикативные конструкции, отсылают читателя к евангельскому эпизоду рождения Христа. Продолжая погружение в отдельно взятый эпизод, мы можем установить, что Бог-отец соотносится с Солнцем, Христос — с избранником, который «в тьму был Солнцем ввергнут в гневе» и «стал игралищем судеб», т. е. с богочеловеком, который своим рождением был одновременно осужден на смерть. Так, в свернутом виде евангельский эпизод рождения Христа может быть передан с помощью тождественной антиномической конструкции: *жизнь есть смерть*, а *смерть есть жизнь*. В десятом сонете тема Христа как избранника божьего, осужденного

на смерть, поддерживается с помощью очевидного символического атрибута — плащаницы («Так видит он из складок плащаницы / И смену дней, и ход людских судеб» [8, т. 1, с. 124]), причем земная история Христа снова сопряжена с мотивом смерти, оформленном теперь в эстетике древнеегипетской мифологии (мертвый Христос видит края своей «расписанной гробницы» с различными деталями, отсылающими к культуре древних египтян: «богов подземных лица», «в полях маис и хлеб», «быки идут» и т. д.). Здесь смерть снова соотносится с покоем и забвением (Иисус вкусил «покой, неведомый тому, / Кому земля — священный край изгнанья»), а жизнь (бытие) — с «волей» и «желаньем».

Одиннадцатый сонет [8, т. 1, с. 125] дает основание предполагать, какая мифологема легла в основу одного из самых загадочных и «темных» стихов магистрального сонета — «В нас тлеет боль внежизненных обид». Если «неверные кометы» — влюбленные и живые, то о каких «внежизненных обидах» может идти речь? Одиннадцатый сонет представляет собой развернутую метафору: живые люди, изгнанники (к числу которых причисляются и «неверные кометы»), соотносятся с образом легендарного Агасфера, или Вечного жида, иудея-ремесленника, мимо дома которого вели на распятие Иисуса Христа, несшего свой крест. По преданию, Агасфер отказал Иисусу и оттолкнул его, когда тот попросил позволения прислониться к стене его дома, чтобы отдохнуть, за что был осужден на скитание по земле до Второго пришествия. Вечный жид «видит сны» и «помнит имена», потому что он бессмертен (ему «погибель не дана»), потому что за время своей жизни видел множество миров, и потому его «каждый шаг, каждый миг таит / Иных миров в себе напоминания». Так, «неверные кометы», как и легендарный Агасфер, прожили множество жизней, и память об этих жизнях их томит. Стих, в котором упоминается «боль внежизненных обид», получил концептуальную трактовку в исследовании С.М. Пинаева: «“Боль внежизненных обид” отсылает нас к образу Эдипа из стихотворения “Кровь” (1907 г.). Здесь — та же расплата за прожитые когда-то жизни, обусловленная кармическим роком» [4, с. 116]. Здесь же отмечается связь данного стиха с идеями Е.П. Блаватской о различии между преходящей видимостью человека (его земными «ролями») и его подлинным существом, а также корреляцию между волошинским образом поэта («себя забывшим богом») и стихами Вл. Соловьева: «Бескрылый дух, землею полоненный, / Себя забывший и забытый бог…» [4, с. 116].

Двенадцатый сонет [8, т. 1, с. 125], представляющий собой синтаксическую антиномию — период с одиннадцатью придаточными

предложениями и разрешением в финальном стихе — «Тому в любви не радость встреч дана» — через обращение к античному мифу об Орфее вновь «высвечивает» идею о том, что «радость встреч» дана лишь тому, кто, «нарушив все преграды», войдет в царство мертвых. Интересно, что различные придаточные предложения в составе периода обобщают все сказанное прежде о «неверных кометах» — живых влюбленных. Каждая отдельная часть стилистической фигуры представляет собой сжатую отсылку к упомянутым ранее мифам: «Кто видит сны и помнит имена» — напоминание о Вечном жиде, «Кто слышит трав прерывистые речи» — напоминание о Фебе, который делает «слепцов» «зрячими» поэтами, «Кого влекла Изиды пелена» — напоминание о египетской теме, разворачивающейся в десятом сонете. Упоминаемый в предпоследнем стихе «грааль скорбей по миру» — крест «кармы не только своей», но и выражение готовности «взять на себя крест людских обид и страданий, как это сделали Парсифаль и Лоэнгрин», и это не единственная возможная интерпретация образа Святого Грааля [4, с. 119].

Антиномическая конструкция «темные восторги расставанья» получает мифологическую трактовку в тринадцатом сонете [8, т. 1, с. 126], где живые влюбленные, которым «не дана радость встреч в любви», соотнесены с Христом. В соответствии с одним из евангельских эпизодов, Христос «пил уксус, смешанный с желчью» (оцет — окисшее вино, уксус, которым, по евангельскому преданию, была смочена губка, поднесенная на конце копья к устам распятого Христа (Мф. 27: 48). Подобно тому как Христос «и в самый миг последнего страданья / Не мирный путь блаженства изберет», влюбленные «неверные кометы» бегут от блаженства — к «пеплу грез» и «боли свиданий», «от милых рук» к «обманным снам» в четырнадцатом — заключительном — сонете [8, т. 1, с. 126]. Так, страдания лирических субъектов — его и ее лирического «я» — это осознанный выбор двух личностей: «В себе несем свое изгнанье мы». Парадоксально осознанный выбор в пользу жизни, которую пронизывают те самые антиномии, неразрешимые противоречия. Выбор — священный дар человеку от Бога; возможность делать этот выбор осознанно делает человека счастливым, «счастливым в своем несчастье», в духе антиномической философии поэта.

Таким образом, не подлежит сомнению родство «Венка сонетов» Вяч. Иванова и «Corona Astralis» М.А. Волошина не только с точки зрения выбора жанрово-строфической формы, времени создания, адресации венков, использования космических мотивов и образности в рассматриваемых текстах, но и, как показало проведенное исследо-

вание, с точки зрения широкого использования поэтами антиномических конструкций (однокорневые конструкции, антиномические метафоры, передислокация антиномических словосочетаний в зону предиката, синтаксическое нанизывание рядоположенных синтаксических конструкций). Антиномичное мышление Вяч. Иванова и М.А. Волошина проявляется и в обращении к различным мифологическим системам, в восприятии их в единстве. В случае с «Венком сонетов» Вяч. Иванова — это и скандинавская мифология («лобзанье Тора», вещая Норна), и отголоски дохристианской языческой славянской мифологии («перун»), и огромный пласт библеизмов и аллюзий к эпизодам из Ветхого и Нового завета. В случае с волошинским «Corona Astralis» — это обращение не только к Ветхому и Новому завету и античной мифологии, но и к мифическим героям древнеегипетского происхождения, а также к мистическим концепциям Р. Штайнера о бесконечных земных воплощениях человеческого «я»[2].

Использование методики анализа символистского текста, разработанной Л.А. Гоготишвили, при изучении поэзии современника Вяч. Иванова — М.А. Волошина — раскрывает широкие возможности для интерпретации текста и возникновения смысловой искры понимания вопреки ослабленной референции в текстах, построенных на основе приемов антиномической поэтики. «Космические» венки сонетов Иванова и Волошина иллюстрируют принцип мифологического осмысления действительности и «трансцендентного», не познаваемого логически мира, посредством «развертывания» ключевых смысловых антиномий: земли и неба (безжалостного и милостивого, пронизанного любовью отношения к людям «неба»), смерти и воскресения, божественной и демонической природы любви мужчины и женщины, любви и смерти, тьмы и света (земной жизни и «жизни» души после смерти), двойственности и единичности — у Иванова, любви и неверности, яви и сна, слепоты и «зрячести», тьмы и света, жизни и смерти — у Волошина.

---

[2] По мысли С.М. Пинаева, феномен мистически «всеобъемлющей» памяти волошинского *звездного духа* можно объяснить идеями индийской философии: она «вбирает в себя не только прошлые жизни души, но и фрагменты до- и вне-человеческого бытия»: «бег планет» и «мысль земли», сознание кармы и памяти прошлых перевоплощений; важны здесь некоторые другие антропософские мотивы (мифологема «духовного света Солнца», который могут наблюдать только ясновидящие; мифологема пчелиного роя) [4, с. 117–118].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Гаспаров М.Л.* Антиномичность поэтики русского модернизма // *Гаспаров М.Л.* Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 286–304.
2. *Гоготишвили Л.А.* Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
3. *Земцовская А.А.* О неразрешимых антиномиях и утопических проектах космизма в «Венке сонетов» Вяч. Иванова // Исторические вехи Серебряного века: к 110-й годовщине начала Первой мировой войны: сб. научн. ст. СПб.: РХГА, 2025. С. 264–274.
4. *Пинаев С.М.* Философско-эзотерический контекст венка сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 115–121.
5. *Столович Л.Н.* Максимилиан Волошин в контексте истории русской философии // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 552–565.
6. *Федотов О.И.* Сонет. М.: РГГУ, 2011. 610 с.
7. *Шишкин А.Б.* Русский венок сонетов: истоки, форма и смысл // Russica Romana. 1995. Т. 2. С. 185–207.

Источники

8. *Волошин М.А.* Собр. соч.: в 13 т. М.: Эллис Лак 2000, 2003. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1899–1926 гг. 608 с.; 2008. Т. 6. Кн. 2: Проза 1900–1927 гг. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. 1081 с.
9. *Иванов Вяч.И.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. 872 с.; 1974. Т. 2. 851 с.; 1979. Т. 3. 896 с.; 1987. Т. 4. 800 с.
10. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 3: Стихотворения 1827–1836 гг. 551 с.